

Несостоявшийся матч

Чемпионат СССР (Тбилиси, 1937) я пропустил: защищал кандидатскую диссертацию. Ильин-Женевский горячо меня порицал; Крыленко прислал угрожающую телеграмму («Ваше поведение ставлю на ЦК»)… Затем Крыленко остыл. Если ранее он заявлял: «Никаких матчей!» — то летом 1937 года объявил о проведении матча между мною и победителем чемпионата страны. Надо же было определить сильнейшего советского шахматиста! Победителем чемпионата был Левенфиш — ему было под пятьдесят. Наряду с Романовским Левенфиш был виднейшим представителем дореволюционного поколения мастеров. Техникой обладал незаурядной, спортивный характер отличный, и поэтому его шахматный век был продолжительнее, чем у Романовского.

Матч играли до шести выигранных, при счете 5 : 5 — ничья, и чемпион сохранял свое звание. Провел я матч слабо: в глубине души недооценивал партнера, но основная причина, конечно, состояла в том, что все силы были отданы диссертационной работе.

Перед переездом в Ленинград (первая половина матча проходила в Москве) я лидировал, но затем богиня шахматной игры Каисса от меня отвернулась — видимо, считала (как Женевский), что нельзя отрываться от шахмат. Все же перед 13-й партией счет (по выигранным партиям) был 5 : 4, и не в пользу чемпиона. Но очередная партия была отложена в проигранной для меня позиции. Я настолько был недоволен игрой в матче, что не стал анализировать, позвонил утром арбитру Н. Д. Григорьеву и сообщил, что сдаю партию, и, стало быть, матч окончен.

— Куда спешить? — сказал Николай Дмитриевич.— Вы непременно должны доигрывать. Я просидел за доской всю ночь и нашел уникальный эндшпиль: пешки против ферзя. У Левенфиша, правда, есть единственный путь к выигрышу, но за доской это найти невозможно. Сейчас продиктую вам анализ…

— Позвольте. Вы же главный судья, да и по условиям соревнования участники ни с кем не имеют права советоваться…

— Именно поэтому и считаю своим долгом вам помочь,— сказал Григорьев.— Мне известно, что ваш партнер с начала матча пользуется помощью со стороны группы мастеров, а вы одиноки…

Николай Дмитриевич был прав. Я не общался даже со Славой Рагозиным. До матча я предупреждал Григорьева, что это условие будет не на пользу более щепетильному участнику.

— Спасибо, но играл я плохо — к чему быть мелочным? Будет еще много соревнований… Партию я сдаю.

— Иного ответа я и не ждал!

«Энде» — так звали Григорьева его друзья,— очевидно, хотел продемонстрировать мне свое отношение к нарушителям регламента…

Николай Дмитриевич был величайшим специалистом в области пешечных и ладейных окончаний. В 1936 году в Париже на конкурсе

составителей пешечных этюдов Григорьев завоевал пять призов из шести возможных. Работал он много, как правило, по ночам, когда было спокойно; внешне был похож на Зоценко, говорил тихо и витиевато, но когда показывал свои анализы, всегда была мертвая тишина: слушателей покоряла глубина его тонких замыслов! Он анализировал и во время прогулок. Однажды сохранил жизнь лишь из-за находчивости вагоновожатого, который успел подхватить Григорьева на сетку. Григорьев играл большую роль в шахматной жизни — еще в 1925 году руководил международным турниром в Москве. Вместе со мной в 1927 году завоевал звание мастера, но долгое время относился ко мне с предубеждением, — может быть, из-за конфликта в Одессе по поводу участия в чемпионате страны Ильина-Женевского. Григорьев был правой рукой Крыленко: Николай Васильевич посылал нас вместе к зампредсовнаркома Антипову (по поводу международного турнира 1935 года).

Григорьеву неприятен был исход матча не только потому, что моему партнеру помогала целая бригада. Советским шахматистам в те времена необходим был свой лидер, с которым были бы связаны надежды на завоевание первенства мира. И вот появился новый чемпион — Леветифиш. Положение запуталось; результат матча только ухудшал ситуацию.

Между тем вопрос о том, может ли Ботвинник представлять на мировой арене советские шахматы, не был праздным. На шахматном Олимпе было смутное время. Капабланка и Алехин прошли уже через зенит своей славы, к чемпиону мира Эйве относились несколько скептически, акции молодого поколения (Флор, Решевский, Файн, Керес) повышались. Алехин вернул себе звание чемпиона и подписал с Флором контракт о матче (матч субсидировался знаменитым чехословацким обувным фабрикантом Батей). Но Чехословакия была вскоре оккупирована нацистами, и контракт потерял силу. Неопределенность сохранялась.

Оказали мне большую честь — был я выбран депутатом городского Совета. Сначала радовался, потом загрустил — тяжелы обязанности депутата! Впрочем, не всегда. Во время сессий Ленсовета сидели мы всегда вместе с Б. Э. Хайкиным (известным дирижером) — интересный был собеседник, многого я от него набрался,

В своем избирательном округе (Фонтанка, против Инженерного замка) принимал я трудящихся; в основном почти все жалобы были связаны с жильем. В одном доме шел капитальный ремонт — тогда жильцов не переселяли и им было нелегко. А ремонт прекратили.

Пошел в Ленжилуправление на улицу зодчего Росси. — Почему не ремонтируете?

— Длинномера нет, не отпускают нам такие бревна (нестандартной длины).

Пошел в организацию, которая обязана поставлять лесоматериалы.

— Длинномера нет? Сколько угодно, пусть приезжают и забирают...

Так я и бегал, как заяц по полянке от ежа к ежихе.

Хотя в 1941-м, уезжая в эвакуацию, и взял я с собой депутатское удостоверение (бережно храню его), но десятилетиями скрывал, что был депутатом,— уж больно тяжелы депутатские обязанности!

Осенью 1938 года в Голландии должен был состояться двухкруговой турнир восьми сильнейших шахматистов мира; отбор был строгим — даже Ласкер, после его неудач в 1936 году в Москве и Ноттингеме, не получил приглашения. Левенфиш настаивал, чтобы он представлял Советский Союз, с ним все же не согласились, и мне было поручено выступить в АВРО-турнире (АВРО — популярная голландская радиоккомпания), где играли чемпион мира Алехин, Капабланка, Эйве, Керес, Решевский, Файн и Флор.

Снова прошу, чтобы меня послали с женой. Комитет физкультуры сообщает, что все в порядке, и мы приезжаем в Москву за документами.

Отъезд завтра, но дают один паспорт, жене в паспорте отказывают. Что делать? Комитет физкультуры подчинился тогда зампредсовнаркома Булганину. Это неплохо, мы познакомились в 1936 году в Париже, когда возвращались из Ноттингема, тогда Булганин возглавлял делегацию Моссовета. Звоню его помощнику по Госбанку и объясняю положение.

— Хорошо,— говорит он,— я доложу товарищу Булганину. Настроение скверное. Погуляли, поужинали и легли спать.

Утром выяснилось, что оба не могли заснуть. Идем в Комитет, на Скатертный.

— Где вы пропадаете? Пусть ваша жена немедленно заполняет анкеты...

Гора с плеч! Едем вместе...

Путь опасный — через фашистскую Германию. При переезде немецкой границы какой-то тип в штатском проверяет паспорта у пассажиров и ставит штемпеля. Увидел наши ярко-красные книжицы — переполошился. Все было почти по Маяковскому. Тип в штатском исчез. Момент был серьезный: нордэкспресс не мог долго ждать. Но вот тип влетает в вагон, вручает мне паспорта и удирает, так и не закончив проверку паспортов у других пассажиров, поезд тронулся. В восемь вечера — Берлин, на перроне полпред Мерекалов; НКВД просил его проверить, все ли с нами благополучно. Семь утра — Брюссель. Нас встречает полпред Рубинин. На следующий день — Амстердам.

Амстердам и сейчас хорош, хотя и сильно модернизировался. Тогда это был весьма изящный старинный город с несметным количеством велосипедистов — пешеходов почти не видно (сейчас велосипед в Голландии не столь популярен — голландцы пересели в автомобиль). Но в Голландии были не только велосипедисты; тогда (так же, как и сейчас) были и шахматисты. В 1935 году школьный учитель Эйве стал чемпионом мира, и это сыграло решающую роль в популяризации шахмат среди голландцев.

Перед турниром у всех участников были взяты расписки, что они полностью доверяют компании АВРО организацию турнира. А зря! Нас мотали по всей стране. Перед игрой вместо обеда — два часа в поезде. Играли голодные. Пожилые участники — Капабланка и Алехин — не

выдержали напряжения. Когда возвращались в Амстердам, участникам в поезде раздавали бутерброды.

Однажды Алехин настолько проголодался, что всех растолкал и первым схватил свой провиант...

Иногда мне везло — за мной приезжал Николай Иванович Елизаров, шофер «Экспортхлеба». Тогда дипломатических отношений с Голландией не было, и несколько сотрудников «Экспортхлеба» были единственным советским островком в голландском океане — конечно, они переживали за меня. Николай Иванович после игры на своем «студебеккере» доставлял меня в Амстердам на час-полтора раньше, чем приезжали поездом остальные участники.

7 ноября, в первом туре, я проиграл Файну — он великолепно провел партию. Затем в третьем, седьмом и одиннадцатом турах я выиграл у Решевского, Алехина и Капабланки и примкнул к лидерам — Файну и Кересу. В двенадцатом в равной позиции зевнул Эйве качество и в итоге занял третье место.

Я не видел Алехина два года, за это время он блестяще выиграл Матч-реванш у Эйве. Внешне он изменился: обрюзг (нижняя челюсть стала массивной), как-то успокоился, вино пить бросил. В АВРО-турнире ему было трудно.

Моя партия с Алехиным (№ 93) — планомерное использование в эндшпиле преимуществ, накопленных после дебютного промаха противника. Хотя партия была отложена при материальном равновесии сил, позиция черных безнадежна. Пошел я к Флору в номер: сражение за карточным столом было в разгаре.

— Он еще не сдал партии? — не прерывая игры, спрашивает Флор.

— Кто «он»? — также между прочим осведомляется С. Г. Тартаковер.

— Да у Алехина совсем плохо, — отвечает Флор.

— Вы шутите, — говорит Тартаковер.

Оказывается, Савелий Григорьевич направил в газету «Телеграф» подробный отчет о партии Ботвинник — Алехин, где сообщил, что ничья очевидна (пешек-то поровну!). Тартаковер немедленно звонит в редакцию, ему читают отчет. «Все хорошо, — говорит он, — менять нечего, только напишите, что черным пора сдаваться». Тартаковер вообще не видел партии, так что отчет был «каучуковым»; все решало заключение!

Гроссмейстер Тартаковер родился в Ростове-на-Дону, но никогда русским подданным не был. Хотя всю жизнь прожил в Австро-Венгрии, Франции и Англии (во время войны сражался у де Голля под именем лейтенанта Картье), русский язык знал во всех тонкостях — у него было много друзей среди эмигрантов в Париже. Была у него страсть и к шахматам и картам: все, что зарабатывал в шахматах, проигрывал в карты... Был талантливым шахматным писателем — по его книге «Ультрасовременная шахматная партия» учились играть советские школьники в 20-е годы. Характер имел милый и добрый. В 1946 году мы с женой и четырехлетней

Олей, второпях покидая Гронинген (там был первый послевоенный большой международный турнир), забыли в» отеле подушку дочки;

позвонили из Гааги во Фрихе-отель Тартакову, и он с торжеством привез подушку прямо на прием в советское посольство.

Доигрывание нашей партии с Алехиным было назначено во вторую очередь, и я остался в отеле. Звонит Флор: «Алехин сдает партию, если записан ход Lg6—g5...» «Передайте, пожалуйста, Александру Александровичу: если он полагает, что я записал плохой ход, то ему не следует делать это предложение...»

В 1933 году в партии с Левенфишем я принял аналогичное предложение. Но за пять прошедших лет я стал опытнее. Подобная постановка вопроса неэтична, ибо партнер может записать и другой ход, тогда это предложение оказывается разведкой, и только. В таком незавидном положении я сам оказался в Ноттингеме перед доигрыванием партии с Ласкером (№81). При анализе неоконченной партии мне показалось, что Ласкер может добиться ничьей лишь в том случае, если он записал и запечатал в конверт единственный сильный ход. Во время обеденного перерыва я разыскал экс-чемпиона мира и предложил ничью при условии, что именно этот ход записан. Ласкер смутился, сказал, что записал другой ход, но что, по его мнению, ничья неизбежна. Тут настала моя очередь смущаться, я предложил доктору Ласкеру свои карманные шахматы, так как понял, что уже не имею права анализировать отложенную позицию — ведь тайна записанного хода была нарушена! Взять шахматы Ласкер отказался, заявив, что доверяет мне,— наша партия закончилась мирным исходом!

Доигрывание с Алехиным состоялось. Хоть я записал другой ход, оно продолжалось недолго.

Партия с Капой носила иной характер (№94). Мой партнер в защите Нимцовича обострил ситуацию: чья активность даст реальные выгоды — черных на ферзевом фланге или белых в центре и на королевском? Для поддержания инициативы пришлось пожертвовать пешку; затем нашел эффектную комбинацию с жертвой двух фигур. Позиция выиграна. Сижу и обдумываю наиболее точный порядок ходов. Капабланка внешне сохраняет самообладание, прогуливается по сцене. К нему подходит Эйве: «Как дела?» Капа руками выразительно показывает — все еще возможно, явно рассчитывая на то, что я наблюдаю за этой беседой. Гениальный практик использовал последний психологический шанс: пытался внушить утомленному партнеру, что позиция неясная,— а вдруг от волнения последует какая-либо случайная ошибка? Чувствую, что напряжение сказывается и силы исчезают; следует заключительная серия ходов (Капа отвечает мгновенно — я должен осознать уверенность партнера в благополучном исходе партии), но шахов больше нет, и черные останавливают часы. Публика рукоплещет — редчайший случай: обычно зрители аплодировали только Эйве. Шестнадцать лет спустя во время Олимпиады в одной из кондитерских Амстердама хозяин-шахматист

выставил в витрине торт, где в точности была изображена позиция из этой партии.

Шатаюсь, поднимаюсь со стула. Все уже закрыто, но жена уговаривает буфетчика продать бутерброд с ветчиной. Жадно заглатываю и прихожу в себя.

На следующий день моя жена едет с мадам Капабланкой в одном автомобиле. «Капа,— говорит Ольга (беседа проходит по-русски),— очень огорчился, когда проиграл Кересу. Вчерашнюю партию он оценивает иначе; он сказал, что это была «борьба умов». Капа хотел выиграть...»

Турнир окончен. Файн и Керес впереди. Организаторы (по таблице коэффициентов) объявляют победителем Кереса. Формула решения такова: призы поровну, а победил Керес!

АВРО нужен был победитель, еще до турнира было объявлено, что победитель получит преимущественное право на матч с Алехиным. Правда, из этого ничего не получилось: на открытии турнира выступил чемпион мира и по-немецки (Алехин говорил по-немецки превосходно — он его изучал с детства, французский его тоже был хорош, позже он изучил английский и последние свои книги писал прямо на английском) с подчеркнутой фельдфебельской грубостью зачитал заявление, где отклонял домогательства организаторов влиять на выбор претендента, и объявил, что будет играть с любым известным гроссмейстером, который обеспечит призовой фонд.

Это я намотал на ус: именно тогда надо было решать, вызывать ли чемпиона мира на матч. Когда увижу я Алехина следующий раз — неизвестно. Если ставить перед правительством вопрос о матче, необходимо было: 1) принципиальное согласие Алехина, 2) условия чемпиона. Что же делать?

Советуюсь с Митеревым, заместителем управляющего «Экспорт-хлебом» (управляющий Нестеров был в отпуске, в Москве), встречаю полную поддержку. Еще удача: наш полпред в Бельгии Евгений Владимирович Рубинин с женой Лидией Павловной приезжают в Амстердам на последний тур. Вместе обедаем в Амстель-отеле. Было воскресенье — по воскресным дням (за ту же плату) полагалось усиленное питание. Вообще нигде и никогда в гостинице мне не пришлось так вкусно есть, как в Амстель-отеле.

Евгению Владимировичу тогда было 44 года, держался он важно, был медлителен. И в 84 манеры были те же (бедная Лидия Павловна погибла в 1942 году в деревне во время пожара). Евгений Владимирович, разносторонне образованный «гуманитарщик» (когда ему было за 80, он в Париже прочел курс лекций о французской литературе), с интересом знакомится в Амстердаме с новым для него шахматным миром.

Объясняю Рубинину ситуацию, за ним решающее слово. Тогда в Амстердаме он был для меня Советской властью. Полпред дает свое благословение (он видел нашу встречу с Алехиным за доской в последнем туре, и ему понравилась моя уверенность).

На закрытии турнира подхожу к Александру Александровичу, прошу назначить мне аудиенцию. Алехин соображал быстро, радость промелькнула у него в глазах — он понимал, что сыграть с советским шахматистом матч на первенство мира наиболее простой, а быть может, и единственный путь к примирению с Родиной.

«Завтра в Карлтон-отеле, — Алехин жил отдельно от всех, чтобы не общаться с Капабланкой — они были врагами, — в 16 часов...»

Пригласил я с собой Флора (нужен был авторитетный свидетель — разве Алехин не связан с белоэмигрантами? Осторожность необходима). Но Александр Александрович еще со времен Ноттингема относился ко мне сердечно. Шахматист Алехин чувствовал мое восхищение — это его обезоруживало. Только мы увиделись перед турниром в Амстердаме, он завязал беседу о новой звезде — Смыслове (Алехин нашел ошибку в одном опубликованном Смысловым анализе!). И сейчас он был приветлив к нам обоим (ведь ранее он собирался играть матч с Флором. Флор, конечно, переживал, что сейчас не он, а другой договаривается о матче, но не подавал виду).

За чашкой чая (к удивлению Флора, чемпион оплатил счет. Флор меня предупреждал, что Алехин скуповат) условия были быстро согласованы: если матч состоится в Москве, то за три месяца чемпион должен быть приглашен в какой-либо турнир (для приобщения к московским условиям); Алехин был готов играть и в другой стране (только не в Голландии!) — решать вопрос о месте соревнования он предоставлял мне. Призовой фонд — 10 тысяч долларов (не так уж много, ведь будет экономия на моей доле приза — мне-то денег не надо).

— А сколько должны получить вы? — спросил я.

— Две трети в случае победы, — ответил Алехин.

Это несколько затрудняло мою задачу: проще было просить твердую сумму, независимо от результата матча.

— То есть шесть тысяч семьсот долларов?

— Да, конечно.

— Эта сумма достаточна и при ином исходе матча? Алехин засмеялся и кивнул головой.

Условились, что я направлю формальный вызов по указанному им адресу в Южную Америку (Алехин где-то в Тринидаде собирался покупать земельные участки), если вопрос будет решен положительно, и что, когда все будет согласовано, о матче будет объявлено в Москве. До этого все держится в строжайшем секрете. Крепкое рукопожатие, и мы расстались, чтобы... никогда более не увидеться.

После турнира было проведено совещание участников — уникальное в истории шахмат. Одновременно в зале было семеро участников (Алехин и Капабланка присутствовали по очереди). Обсуждался вопрос о создании «Клуба восьми сильнейших», с тем чтобы клуб утвердил правила проведения матчей на первенство мира. Алехин был согласен, чтобы призовой фонд состоял из 10 тысяч долларов, за одним исключением: Капабланка должен

собрать 18 тысяч долларов (10 тысяч золотом — на таких условиях был проведен их матч в 1927 году). Каждый член клуба имеет формальное право вызвать чемпиона. Файну и Эйве было поручено подготовить и разослать проект правил (никто не предлагал привлечь ФИДЕ к решению этого вопроса).

Обратный путь был далеким — через Бельгию, морем до Скандинавии, поездом на Стокгольм (познакомились с А. М. Коллон-тай — остались впечатления о ее приветливости и энергии, несмотря на возраст) и через Ботнический залив и Финляндию — на Ленинград.

Еду в Москву отчитываться о командировке. Звоню уже знакомому помощнику Булганина и на следующий день сижу в кабинете председателя правления Госбанка и рассказываю об итогах турнира и о своих планах. Булганин не прерывает, внимательно слушает: «То, что вы мне рассказали, изложите в письме на имя председателя Совнаркома. Я доложу лично. На конверте напишите мое имя и сдайте в экспедицию Госбанка». Совет был исполнен.

Вернулся в Ленинград и после нового года тяжело заболел. Стоматит, температура за 40. Звонок, входит фельдьегер: «Получите телеграмму, правительственную». Читаю: «Если решите вызвать шахматиста Алехина на матч, желаем вам полного успеха. Остальное нетрудно обеспечить. Молотов».

Лишь несколько лет назад, вспоминая этот эпизод, я случайно произнес текст телеграммы с кавказским акцентом и понял, что скорее всего она была продиктована Сталиным. Это его стиль: особенно характерно «желаем» (а не желаю) и «нетрудно обеспечить»!

Как будто вопрос решен. В действительности все оказалось не так просто...

После болезни поехал в Москву — причин было, немало: следовало представиться новому председателю Комитета физкультуры Снегову; согласовать текст формального вызова на матч; убедить Комитет провести чемпионат СССР не в Киеве, а в Ленинграде (я продолжал находиться под наблюдением врачей) и т. д.

Являюсь на Скатертный для беседы с заведомо шахмат В. Снегиревым: «Как вы отнесетесь к тому, что будет провозглашен лозунг — «Догнать Ботвинника!»? Это что-то новое. До сих пор я считал, что должен завоевать первенство мира для Советского Союза; теперь, оказывается, 27-летний гроссмейстер должен играть не сильнее своих товарищей! Снегирев внимательно слушает меня...

Далее беседа со Снеговым — впервые чувствую, что не могу найти общего языка с лицом, от которого зависит моя шахматная деятельность. Молчание, перемежающееся с недружелюбными замечаниями. Все же месяца через два мое письмо Алехину было Комитетом отправлено, одновременно было объявлено о проведении чемпионата в Ленинграде.

Недружелюбие Снегова было первым проявлением противодействия матчу с Алехиным, которое иногда ослабевало, иногда усиливалось, но

продолжалось семь лет — вплоть до смерти чемпиона мира. Тогда я не выяснял, чем это было вызвано. Сейчас, думаю, что суть дела была в обычном человеческом чувстве — зависти. С одной стороны, наши ведущие мастера мечтали о том, чтобы чемпионом мира стал советский шахматист, с другой — многие из них сами надеялись прославить советские шахматы; некоторые же считали, что если не они, то пусть лучше никто.

Конечно, можно разглагольствовать о том, что это нехорошо, но так было. Никто из них не высказывал, естественно, своих мыслей прямо. Нет, они рассуждали о том, что Ботвинник слаб и во всех случаях проиграет матч Алехину (то есть опозорит советские шахматы), или о том, что Алехин имеет такую политическую репутацию, что советский шахматист не может с ним встречаться за шахматной доской, и, более того, советские шахматисты, и в первую очередь Ботвинник, должны выступить против Алехина и потребовать, чтобы он был лишен звания чемпиона, и т. п. Конечно, эти мастера действовали таким образом в исключительных случаях, предпочитая прятаться за спины своих приятелей самого различного общественного положения.

Даже Крыленко, который всегда действовал исходя из общих интересов, не сразу понял, что суждено мне было сделать для советских шахмат. 1931 год, финиш чемпионата СССР. Фойе Политехнического музея заполнено до отказа: все хотели быть очевидцами встречи Ботвинник — Рюмин (я уже успел проиграть в турнире дважды и отставал от лидера на пол-очка; Рюмин шел без поражений). В дебюте получаю перевес, Рюмин жертвует пешку, чтобы перехватить инициативу; следует моя неточность в цейтноте, но в ответ — новый промах черных, и партнер останавливает часы (№ 41). «Какой цейтнот!» — слышу знакомый голос. Наши глаза встречаются — Николай Васильевич поворачивается спиной и уходит. Крыленко явно сочувствовал москвичу Рюмину.

1936 год, комната за сценой Колонного зала, финиш международного турнира. Через десять минут должна начаться партия с Рагозиным; у меня есть еще некоторые надежды догнать лидера — Капабланку. Меня уговаривают сделать ничью, чтобы Рагозин занял более высокое место в турнирной таблице (Слава об этом, конечно, ничего не знал). Крыленко на мой недоуменный вопрос только пожимает плечами. Тут же обращаюсь к Косареву. Выслушав, Александр Васильевич скомандовал: «Выигрывай, Михаил».

На меня все это не оказывало влияния. Я упрямо шел к поставленной цели.

Весной 1939 года в Ленинграде начинается чемпионат СССР. Фавориты, в том числе и Левенфиш, в неудачной форме, но выдвигается новичок — Саша Котов. Лишь в последнем туре, выиграв у Котова (№ 101), я после шестилетнего перерыва завоевываю звание советского чемпиона. Теперь, когда идут переговоры с Алехиным, это весьма важно!

Но главный итог турнира был в другом.

С 1933 года я работал над методом подготовки к соревнованиям, искал оптимальный режим шахматиста во время турнира. Пожалуй, именно в чемпионате 1939 года был подведен первый итог этой работы. Была опубликована статья «О моих методах подготовки к состязаниям», где говорилось и о дебютных системах, и об эндшпиле, и об изучении творческого и спортивного лица противников, и о распределении времени в течение партии, и как анализировать неоконченные партии ит. п. Эти вопросы были изучены и рассмотрены всесторонне. Соль метода, то, что отличало его от известных ранее, заключалась в характере подготовки дебютных систем. Дебютные новинки давно известны; обычно это какой-либо трюк или позиционная неожиданность. Такая новинка годится на одну партию. Как только она становится известной, она теряет ценность. «Самый гениальный ход не может быть повторен при данной ситуации в следующей партии», — писал Маяковский, сравнивая ход с рифмой.

Мне удалось разработать метод, при котором «дебютная новинка» оказывалась запрятанной далеко в миттельшпиле; она имела позиционное обоснование нового типа, она не имела «опровержения» — в привычном смысле этого слова. Лишь проделав большую работу, лишь преодолев шаблонные позиционные представления, лишь проверив контридеи в практической борьбе, можно было отыскать истину и вместе с ней подлинное опровержение. Поэтому мои дебютные системы жили годы, из турнира в турнир принося успех своему изобретателю. Иногда они подолгу находились в резерве, в ожидании того момента, когда другие к ним наконец подойдут и можно будет их применить на практике, — тогда с помощью этих систем можно было разить недостаточно подготовленных партнеров. Не случайно, что когда эта система подготовки созрела (тот факт, что она была опубликована, не мог нанести прямого ущерба ее автору, ибо системой этой могут пользоваться лишь те, кто имеет талант исследователя и не избегает работы), в период 1941—1948 годов я победил подряд в восьми соревнованиях, в которых сыграл 137 партий и в них набрал 104,5 очка (76,3 процента)! Конечно, это был период, наиболее благоприятный для шахматного творчества (мне было 30—37 лет), но нельзя же все сваливать на возраст... Возраст создал условия необходимые, система подготовки — достаточные.

Был найден творческий метод, который позволил уверенно реализовать поставленную цель — завоевать звание чемпиона мира. Не только я стал играть лучше; некоторые гроссмейстеры (Бо-леславский, Геллер и др.) также стали пользоваться этим методом, а основная группа получила необходимую информацию о том, в каком направлении теории начал надо трудиться. В период 1940—1960 годов советские шахматисты сделали качественный скачок, и в известной мере (так мне кажется) это было связано с системой подготовки. В партиях чемпионата 1939 года, применяя подготовленные защиту Грюнфельда, французскую защиту, защиту Нимцовича, мне удалось выиграть важные встречи — это и обеспечило общий результат.

— Миша, что вы делаете,— сказал мне мой тесть Д. Г. Ананов,— зачем вы публикуете свой метод, ведь им могут воспользоваться ваши противники?!

— Не каждый может этим методом воспользоваться, а если появится необходимость, то придумаю что-нибудь новое.

— Ну, если так — публикуйте...

Специальностью Давида Георгиевича была начертательная геометрия; до революции — вечный студент. Когда окончил институт путей сообщения, стал профессором, преподавал в двадцати институтах. Когда запретили совместительства, преподавал в семи; после строжайшего запрещения — в четырех.

Не прочел ни одной книги по «начерталке», но сам написал учебник, и очень популярный. Стоя спиной к доске, одним взмахом руки точно чертил круг. Читал лекции и чертил на доске по памяти. Когда считал, что какой-нибудь ассистент недостаточно почтителен, подзывал его, давал задачку и говорил: «Когда решите, скажете». Тот исчезал надолго.

Вырос этот самородок в бедной армянской семье в Ростове-на-Дону.

Человеком он был суеверным, в себе неуверенным, часто прибегал к настольной книжечке «Сила мысли в деловой и повседневной жизни» (издание дореволюционное) — в ней он находил поддержку. Давид Георгиевич предложил мне ее прочесть, я лишь расхохотался... Он любил поесть; когда врачи прописали строгую диету и дома его ждал овощной ужин, по дороге из института предварительно заходил в ресторан!

Июль 1939 года. Живу на даче в Луге, у тестя. Вдруг появляется долговязая фигура — Владимир Николаевич Снегирев.

Был Снегирев некрасив и лицом и всей своей внешностью, одевался не столько бедно, сколько неаккуратно. Припухшее лицо, маленькие глаза, здоровенный нос, жидкие и бесцветные, гладко зачесанные волосы. Но это был самый большой шахматный энтузиаст-организатор, с которым мне пришлось иметь дело. Личной жизни у него, видимо, вообще не было.

За непрезентабельной внешностью скрывался настойчивый, умный и целеустремленный человек. Он хорошо разбирался в людях, отесняя от себя болтунов и бездельников; всей своей деятельностью, скромностью, непоказным энтузиазмом он завоевал доверие начальства и уважение шахматистов. Он установил правильные отношения с руководством Комитета физкультуры; был полпредом шахмат в спорте, ему доверяли, его поддерживали и не мешали... С утра до позднего вечера носился он, крепко обняв толстенный портфель, по Комитету, «пробивая» шахматные дела. Любопытно, что учился он в Москве в одной школе с чемпионкой мира Верой Менчик. Чешка по национальности, Менчик, хотя была по внешности типичной русской женщиной, никогда не имела советского гражданства. В 1926 году она выехала с матерью и сестрой Ольгой — также известной шахматисткой — в Прагу к отцу, а затем в Англию к бабушке. В Лондоне Вера брала уроки у венгерского гроссмейстера Мароци, что оказалось решающим в ее шахматном развитии. В январе 1935 года я был в гостях у ее

бабушки в Гастингсе, а в сентябре 1936 года мы с женой были в гостях у семьи Менчик в Лондоне. Жили они недалеко от советского посольства на Куинз-роуд, в доме, который сотрясало от проходивших под землей поездов метро,— здесь квартирная плата была меньше. Вера и Ольга жили шахматными и карточными частными уроками. В 1944 году все они погибли от немецкой бомбы...

Алехин прислал ответ, и Снегирев приехал.

Чемпион мира в соответствии с нашей договоренностью принял вызов и все условия, кроме одного: он уже не был согласен с тем, что весь матч будет проходить в Москве. Алехин требовал, чтобы вторая половина матча проводилась в Лондоне.

Мне поведение чемпиона не понравилось. Это было нарушением джентльменского соглашения и, кроме того, затрудняло организацию матча — надо было вести переговоры с Британской шахматной федерацией. Последнее, правда, меня мало беспокоило: англичане, конечно, пошли бы на это, если призовой фонд обеспечен, но ведь надо опять обращаться в правительство... Я написал Алехину вежливое, но твердое письмо, где настаивал, чтобы наша договоренность в Амстердаме была подтверждена и весь матч был бы в Москве. Снегирев тут же уехал в Ленинград, чтобы утром доложить в Москве руководству Комитета о моих предложениях.

1 сентября началась вторая мировая война, и первый этап переговоров о матче был на этом закончен; продолжены они были шесть лет спустя. Но, по существу, перерыва не было — вопрос о предстоящем матче красной нитью проходил через советскую шахматную жизнь тех лет.

Летом 1939 года Совнарком установил мне стипендию в размере 1000 рублей (теперь примерно 100 рублей) в месяц — исключительный акт. Надо думать, это было сделано по инициативе Снегирева. Шахматисты есть повсюду (даже в Совнаркоме). Впоследствии я узнал, что зампреды единогласно высказались «за».

Решил учиться играть матчи — ведь с Флором и Левенфишем я играл не очень уверенно. Весной 1940 года договорились мы потренироваться со Славой Рагозиным. Играли в идеальных условиях: хороший режим, свежий воздух, тишина. Я легко провел тренировочное соревнование, хотя раза два был на волоске от проигрыша.

Осенью в Москве начался чемпионат СССР.

Это был тяжелый турнир. Много участников, мало выходных дней. Большой зал консерватории обладает отличной акустикой. Зрители вели себя вольно, шумели, аплодировали, акустика только ухудшала дело. Передавали, что после какой-то победы Кереса С. С. Прокофьев бурно зааплодировал. Соседи по ложе сделали ему замечание. «Я имею право выражать свои чувства»,— заявил композитор. Но доволен ли был бы мой друг Сергей Сергеевич, если бы он участвовал в трио и после исполнения скрипичной партии зрители аплодисментами заглушали его игру на фортепиано? А ведь положение шахматиста хуже: пианист под аплодисменты мог бы и сфальшивить, шахматист лишен этого права.

В чемпионате принимали участие новички: Керес (Эстония к тому времени стала уже Советской Республикой), Смыслов, Болеславский. Конечно, основной интерес был связан с участием Кереса: кто теперь, при изменившихся обстоятельствах, должен представлять Советский Союз в борьбе за первенство мира с Александром Алехиным? Турнир не дал ответа на этот вопрос.

После десяти туров я лидировал, но затем нервы мои подыгрались, обстановка была малоподходящей для творческой сосредоточенности — в таких условиях я чувствовал себя беспомощным. Первые два места поделили Бондаревский и Лилиенталь. Смыслов был третьим, Керес — четвертым, мы с Болеславским поделили пятое и шестое места. Было объявлено о проведении матча на первенство СССР между двумя победителями турнира. До декабря я не мог дотронуться до шахматных фигур — столь неприятен был осадок от турнира, от нездорового ажиотажа (словно на стадионе), от пренебрежительного отношения к творческой стороне шахмат.

После турнира многие меня «похоронили». Когда газета «64» поместила по случаю моей неудачи шарж Ю. Юзепчука, где Ботвинник ехал верхом на слоне, старый друг А. Модель там же опубликовал следующие строки:

А вот в зловещей тишине
Ботвинник едет на слоне.
Волненьем публика объята —
Кто ждал такого результата?
И каждый мечется с вопросом:
Скажите, что случилось с гроссом?
А гросс спокоен, как всегда,
И нет волненья в нем следа.
Ботвинник тверд, он все учел.
И эта твердость нам понятна:
Он сдал в аренду свой престол
И через год — вернет обратно.
Абрам Яковлевич все предсказал точно...

В декабре я стал исследовать один вариант защиты Нимцовича и почувствовал, что дело пошло. Одновременно послал письмо Снегиреву, где иронизировал по поводу того, что чемпионом страны, то есть лидером советских шахмат, должен стать победитель матча Бондаревский — Лилиенталь (оба они — шахматисты большого таланта, но высших шахматных достижений у них не было), в то время как у Кереса или у Ботвинника уже были крупные достижения в международных турнирах.

Снегирев и сам сознавал, что этот матч для противоборства с Алехиным значения не имеет; он понял мой намек и взялся за дело, — как всегда, бесшумно и энергично. Как он сумел убедить начальство — не знаю, он этого не рассказывал, но месяца через два было объявлено об установлении звания «абсолютного» чемпиона и проведении матч-турнира шести победителей чемпионата в четыре круга. Смысл, который вложил

Снегирев в понятие «абсолютный», был ясен: именно абсолютный чемпион СССР должен играть матч с Алехиным.

Готовился я по опубликованной уже системе, с некоторыми дополнениями. Поскольку в чемпионате я страдал от курева и шума, то играли мы с Рагозиным тренировочные партии при включенном радиоприемнике; после партии форточку не открывали, и спал я в прокуренной комнате. Жили в доме отдыха Ленинградского горкома партии в Пушкине, напротив лица (там раньше размещался комендант Царского Села). Днем ходили на лыжах, анализировали, а вечером играли. Подготовился я физически, технически и морально отлично, появился вкус к игре.

Итак, матч-турнир. Решающее событие произошло в третьем туре первого круга. Керес белыми применил в защите Нимцовича рискованный вариант. Этот вариант уже встретился в одной опубликованной партии и был неверно оценен — Керес и положился на эту оценку. Как я уже отмечал, подготовку я начал именно с этого дебюта и проанализировал вариант весьма глубоко. Партия завершилась молниеносной матовой атакой (№ 113).

После игры ухожу за сцену (играли мы первую половину в Ленинграде, в Таврическом дворце) перевести дух. Врывается Снегирев и, сжимая руки (очевидно, чтобы сдержаться), бегают вокруг и приговаривает: «Эм-эм (так он величал меня всегда, когда был чем-то взволнован), вы сами не знаете, сами не знаете, что сделали...» Видимо, Владимир Николаевич, настаивая на организации матч-турнира, предсказывал мой успех и теперь торжествовал.

Потом переехали в Москву и играли в Колонном зале. И в Ленинграде и в Москве Снегирев блестяще организовал турнир. Тишины в Москве Снегирев добился простым путем: по среднему проходу гулял блюстителем порядка в милицейской форме. Один раз недисциплинированный зритель был выведен и оштрафован. В Ленинграде, где все места в зале были снабжены индивидуальными наушниками, зрителей непрерывно развлекал Левенфиш, комментируя ход борьбы, поэтому и разговоров в зале не было.

Я выиграл все матчи, в том числе и у трудных для меня партнеров — Бондаревского и Лилиентала (им обоим я проиграл в чемпионате). Керес был вторым, отстав от меня на $2\frac{1}{2}$ очка, Смыслов — третьим. Стало ясно, кто должен играть с Алехиным.

Через два месяца фашистская Германия напала на нас, и шахматы отодвинулись далеко-далеко...

Война. Это было страшное время. Гибли на фронте родные и друзья, начались болезни и недоедание. Заводы, рабочие с семьями, раненые перемещались на восток, войска и вооружение — на запад. Советский народ перестраивался на военный лад. Страдали все, пострадали и шахматисты. Из дореволюционного поколения погибли А. Ильин-Женевский, И. Рабинович, А. Троицкий и Л. Куббель, из молодых — Н. Рюмин, В. Раузер, С. Белавенец, И. Мазель, М. Стольберг, И. Зек...

Все сотрудники шахматного отдела Комитета физкультуры: В. Снегирев, А. Ельцов и А. Курышкин — погибли в первые дни войны. На

фронте были. В. Рагозин, А. Толуш, Г. Гольдберг, П. Дубинин. Солдат Дубинин — он отличался могучим, телосложением — в своем вещевом мешке всю войну носил шахматные книги.

Меня вызывают на медкомиссию и дают белый билет: слабое зрение. Прошу отправить на фронт добровольцем — встречаю отказ. Что делать? В институте каникулы, кроме того, как-то странно заниматься гражданскими делами. Помогаю своему товарищу в создании воздушного электрофильтра для бомбоубежища.

Жена приносит домой новость: Театр оперы и балета имени Кирова эвакуируется в Молотов (Пермь). «Едем,— говорит она. — Будешь работать как инженер, на оборону».

Секретарь парткома института Яша Рузин сам вопроса решить не мог. Едем в райком. Секретарь Выборгского райкома партии товарищ Кедров решил вопрос быстро: «Товарищ Ботвинник, вы еще пригодитесь советскому народу как шахматист. Уезжайте».

Сдаю автомашину в армию. Она была в полной исправности, хотя и хорошо потрудилась: на ней тренировался не один автолюбитель.

Перед отъездом надо решить еще одну проблему. Отец перед революцией покупал золотые украшения. Когда он ушел от нас, оставил все это матери (больше килограмма). Оно так и пролежало 21 год. «Не наступил ли момент сдать золото в фонд обороны?» — спрашиваю мать. Она тут же подписывает заявление. Но сдать золото уже нет времени, отдаю заявление брату. Он остается в Ленинграде, его зачислили в истребительный батальон. Уже в Молотове получаю от брата письмо (храню это последнее письмо) — поручение матери выполнено.

На вокзале нас провожают брат и мой старший друг Самуил Осипович Вайнштейн. Подан состав из товарных вагонов. «Поехали вместе,— говорю я Вайнштейну.— Вас ведь в армию уже не мобилизуют». «Нет, я останусь...» С. Вайнштейн дожил лишь до января 1942 года.

Наконец трогаемся. Это было 19 августа 1941 года. Через два дня железная дорога была перерезана немцами.

Перед Мгой слышен отдаленный взрыв. Долго стоим: Мгу первый раз бомбили.

Спустя несколько дней приехали в Молотов. Поместили артистов в общежитие пединститута. Жене дали отдельную комнату, семья — пять человек.

Ищу работу. Еду на Мотовилихинский металлургический завод. Принимает меня директор — А. И. Быховский, ставший через несколько месяцев Героем Социалистического Труда (его сын, мастер Анатолий Быховский, сейчас является тренером молодежной сборной; в свое время его подопечными были: Карпов, Романишин, Ваганян, Белявский, Долматов, Юсупов, Каспаров). Директор готов меня принять на работу, но я сам отказываюсь. К сожалению, до завода далеко, лишь однопутный трамвайчик идет к этому предприятию; как я буду добираться зимой?

Поблизости нахожу северо-западный район электросетей Уралэнерго. Степень кандидата наук пугает директора. «Если никакой наукой заниматься не будете, возьмем инженером на самую низкую ставку». Соглашаюсь и становлюсь сотрудником высоковольтной лаборатории!

Постепенно сдружился я с пермяками. Стал начальником лаборатории, потом начальником службы изоляции (высоковольтной).

С мастером Михаилом Федоровичем Деменевым стали близкими друзьями. Это был худущий верзила (один глаз пострадал на производстве) чудовищной физической силы («Ослабел я,— жаловался он,— раньше две высоковольтные втулки легко переносил, а сейчас только одну»), хитрый, справедливый, без образования, но высоковольтную изоляцию (испытания и ремонт) знал отлично. Кроме того, он был уникальным обмотчиком электрических машин, занимался этим втихую — к нему ездили со всей области на поклон. Он все умел. Когда зимой 1944 года переехали мы в Москву, гулял я с дочкой по 1-й Мещанской. Испорченный троллейбус стоял у тротуара.

— Что с ним? — спрашивает маленькая Оля.

— Да вот испортился.

— Ничего,— говорит Оля,— дядя Деменев починит! Как-то Деменев нашел на свалке ломаную детскую кроватку.

Сварил ее, покрасил, и дочка из бельевой корзинки перебралась в кроватку.

Работал у нас молоденький монтер Сократ Гудовщиков. Рост малый, плечи саженьи, силен, лицо скуластое, волевое, улыбка чуть кривая, подбородок упрямый, как у англичан — героев Жюль Верна. Любил всех поражать. Едем, например, с мостом Шеринга на испытания изоляции — Сократ исчез. Клянем его за недисциплинированность. Приезжаем — Сократ в небрежной позе сидит, поджидает нас. Как он успел — непонятно. Наверное, прицепился к какому-нибудь грузовику. Вскоре взяли Сократа в армию, в Сибирь, в электротехническую школу. Он все просился на фронт, да не пускали: специалист был отличный. Тогда Сократ так нахулиганил, что послали его в штрафной батальон.

Лет десять спустя после войны я встретил одного шахматиста — он сражался на Карельском фронте. «У нас был солдат, говорил, что вместе с вами работал на Урале, только имени не помню», — и описал его внешность. Сомнений не было, это был Сократ — он не вернулся из разведки...

Мост Шеринга работал плохо. Отсчет надо было брать при отсутствии тока в диагонали моста, с помощью высокочувствительного гальванометра. Собиралась схема из отдельных элементов, все было открыто — наводки (помехи) на подстанциях сильные, работать невозможно. Настоял, чтобы сделали стальной кожух-экран (в форме пианино), и выполнили стационарный монтаж. Сталь спасала от наводок. Проверили изоляцию по всем подстанциям. Деменев сначала был недоволен — мост стал тяжелым, но вдвоем с Сократом они легко управлялись.

Несмотря на запрещение, однажды все же пришлось заниматься научной работой. Вызывает главный инженер А. М. Левкевич:

— Снег — изолятор или проводник?

— Думаю, что изолятор, надо проверить.

Взял слой снега и подал напряжение. Сначала ток был равен нулю. Затем от короны (искрения) началось местное разогревание, снег стал таять, проводящий канал удлинялся — и пробой.

Иду в управление. «Алексей Матвеевич, по истечении некоторого времени пробой наиболее вероятен». Главный инженер смеется: оказывается, на севере области ураган повалил опоры электропередачи. Провода лежали на снегу, и целые сутки это оставалось незамеченным. Авария была зафиксирована, когда ветер стих.

Ездил зимой 1942 года в командировку в Свердловск (по делам службы). Чудо: в Свердловске проходит шахматный турнир мастеров (под руководством Рохлина). Зрителей мало, а все билеты проданы — на турнир не попасть. Оказывается, по билету можно было купить в буфете булку. Билеты и доставались случайным людям — не шахматистам! Поговорил с Рохлиным, пожал руку Рагозину. Лейтенант Слава Рагозин вышел тогда победителем турнира — он только что был переведен из заблокированного Ленинграда на Урал.

Рохлин что-то сострил, и я расхохотался. «Ну, все в порядке,— сказал Яков Герасимович,— смеешься ты, как раньше. Война это не смогла изменить...»

Апрель 1942 года, жена должна скоро родить. На работу звонит Левкевич: «Немедленно поезжайте на мельницу, там не могут включить новый электродвигатель. В городе нехватка муки». Едем вместе с Деменевым: на мельнице все в волнении. Советуемся. Решили проверить изоляцию и сопротивление ротора. Приказываю отсоединить обмотку ротора — она в полном порядке. Приказываю присоединить обмотку — ротор легко запускается. Видимо, все дело было в плохих контактах.

Общее ликование!

Возвращаюсь домой поздно. «Скорей ешь»,— говорит жена, прерывая мой рассказ о комическом окончании «аварии» на мельнице... Оказывается, пора в роддом!

Под утро появилась на свет Оля. «У, какая черненькая»,— сказала Уланова, когда я прогуливал спящую дочку (Галина Сергеевна тоже проживала в общежитии театра).

Трудное было время. Отоваривали карточки. В основном нас спасал хлеб: в семье было трое работающих. Часть хлеба меняли на рынке на картошку. Когда дочка подросла, положение стало хуже. Пришлось продать пишущую машинку «Ундервуд»; на призы за красивейшие, партии Ноттингемского турнира (жюри вынесло свое решение после моего отъезда из Англии) советские работники в Лондоне в свое время приобрели ее для меня. Я отпечатал на ней кандидатскую диссертацию. Теперь машинку «съела» маленькая Оля.

Продукты приходилось добывать со всякими хитростями. Так, в театре во время антракта зрителям продавали мороженое. Родственники артистов проникали в театр во время действия (вахтерами работали тоже родственники) и занимали очередь в буфет заранее, да и не одну. Однажды набрал я мороженого полную стеклянную банку и пошел домой. Мороз был трескучий, уральский. Держать в руках банку не было мочи, пришлось нежно обхватить ее одной рукой. Дошел благополучно, но, поднимаясь на второй этаж, преждевременно решил, что достиг намеченной цели: банка выскользнула и разбилась.

Во время войны с нацистской Германией задачей советских шахматистов являлось не только сохранение того, что было создано в предвоенное время — массовое развитие шахмат и высокий уровень игры лучших мастеров,— но и подготовка к тому, чтобы после войны добиться завоевания первенства мира.

Так обстояло дело не только в шахматах, но и в других областях культуры. Конечно, это возможно только там, где шахматы пользуются поддержкой государства. Разумеется, первые полтора года, когда страна находилась в трудном и опасном положении, эти усилия в отношении поддержания шахмат были минимальными. Но после победы под Сталинградом никто уже не сомневался в победе окончательной. Героические усилия как на фронте, так и в тылу, в военной области и экономике принесли свои результаты.

Итак, работа работой, а к матчу с Алехиным готовиться надо. Решаю прокомментировать все партии матч-турнира на звание абсолютного чемпиона, чтобы не растерять мастерства в анализе. Работаю по вечерам, использую каждую свободную минуту, но их мало... Сажу как-то на собрании; скучно, а дома работа ждет. Пишу записку председателю: «Алексей Матвеевич, плохо себя чувствую». Получаю ответ Левкевича: «И я хочу домой...»

Книгу я писал полтора года. Давно подозревал, что это лучшее, что я сделал в области шахматного анализа. Несколько лет назад Матанович сказал мне, что сейчас он изучает эту работу с удивлением (гроссмейстер Матанович издает в Белграде «Шахматный информатор» и «Энциклопедию» — настольные книги каждого квалифицированного шахматиста наших дней).

Пришла мне в голову идея создать неофициальный «комитет» по подготовке к матчу с Алехиным — собрать группу друзей, которые бы своей деятельностью помогали организации матча и содействовали моей подготовке. Решил обратиться к Рагозину, Рохлину и Гольдбергу. Стук в дверь — и входит... Гриша Гольдберг, капитан ВВС Военно-Морского Флота (его супруга работала военврачом в местном госпитале, и он приехал с ней повидаться).

Еще в 1932 году мы вместе играли в чемпионате Ленинграда. Рост Гольдберга — 190, характер решительный, соединял и силу мастера и талант организатора. В 30-е годы играл видную роль в шахматной жизни

Ленинграда. Вторую половину матча с Флором организовал Гриша, и блестяще.

— Согласен,— сказал Гольдберг,— но что сейчас можно сделать для матча? Война!

Как началась война, шахматная жизнь почти замерла. И все же были проведены чемпионат Москвы, турнир в Куйбышеве, да и турнир в Свердловске, о котором упоминалось ранее. Играть мне некогда было, да и не было соответствующего настроения. Но вперед смотреть надо — вот я и занимался аналитической работой.

В январе 1943 года меня послали на лесозаготовки. Я понимал, что в трудное время это необходимо, но один день в лесу вывел меня из строя надолго: я был не в состоянии работать над книгой. Что же делать? Ведь в любой день могут снова послать — дрова нужны!

А как же шахматы? Отказаться от работы над книгой? А что будет, когда война кончится? Подумал и написал письмо Молотову — именно от него четыре года ранее получена была телеграмма с разрешением играть матч с Алехиным.

Недели через две вызывают меня к правительственному телефону, в кабинет управляющего энергосистемой: кто-то из Москвы хочет со мной говорить.

«Это вы писали товарищу Молотову?» — говорит Смирнов, заместитель начальника секретариата. Он сообщил резолюцию Молотова: «Тов. Жимерину. Надо обязательно сохранить тов. Ботвиннику боеспособность по шахматам и обеспечить должное время для дальнейшего совершенствования» (Д. Жимерин был тогда наркомом электростанций). Правда, когда пришло распоряжение наркома о предоставлении мне трех дней в неделю для шахмат, директор С. А. Костогрыз решил, что воскресенье входит в эти дни, но я с ним не спорил — и так хорошо...

С Сергеем Андреевичем были мы друзьями — очень своеобразный и симпатичный товарищ был. Образования, по сути дела, не имел, но подлинный самородок-администратор! Острый ум, честен, ловко находил решения. «Не бойтесь меня,— говорил он,— костогрыз — это маленькая птичка, она выклеывает косточки у вишен». Его любили.

Выбрали меня секретарем партийной организации Управления высоковольтных сетей — членов партии не более десяти. До этого партийные собрания проходили часто, все разбирали «персональные» дела (конфликты). Я это прекратил. Если какие-либо споры возникали, сам в них разбирался. Поэтому закрытых партийных собраний почти не было, от беспартийных коммунисты не отгораживались. Райком однажды меня за это даже порицал...

Пришло сообщение из Комитета физкультуры, что весной мне надлежит прибыть в Свердловск — будет турнир восьми мастеров в два круга. Облесполком посылает меня на две недели в свой совхоз — надо готовиться к турниру. Приехал за мной ящик на санках... Питание в совхозе

было просто отличным: два раза в день жареная свинина с картошкой, литр парного молока да хлеб. Ел, гулял, спал, а работал с бешеной энергией!

В турнире слабых не было (Смыслов, Болеславский, Рагозин и др.). Против каждого участника я набрал $1\frac{1}{2}$ очка и легко завоевал первый приз. Два года я не играл в шахматы, но, видимо, и методом подготовки продолжал владеть и как практик не ослабел.

Летом облисполком разрешил мне отвезти дочку в детский лагерь, где жили дети, эвакуированные из Москвы. Лагерь был на берегу Камы, между Беляевкой и Осой. Остались там Оля с няней, Прасковьей Васильевной. Поместили их в отдельной избушке на опушке леса.

Через полтора месяца я поехал за ними и пригласил с собой В. А. Каверина. Он тогда писал «Двух капитанов», хотел сосредоточиться и поэтому охотно согласился. Путешествие было не из легких, так как пристани в лагере не было и надо было с теплохода вызывать бакенщика с лодкой. Уже ночь, но узнаю очертания берега и прошу капитана вызвать бакенщика. Останавливаемся и гудим на всю округу — никакого ответа. Наконец где-то далеко (Кама широка) раздается всплеск весла. Ждем, вот лодка уже близко.

— Дядя, Егор, это вы? Никакого ответа.

— Дядя Его-о-ор!!.

— Ну конечно я, — раздается ворчливый голос, — кто же еще?

Пожили три дня — места чудесные, чистые. Вениамин Александрович в лесу, лежа на спине, думал о своих капитанах. «Скажите, можно здесь сделать так-то?» — советовался он. Я ничего не мог сказать тогда. Насколько легче писать воспоминания: надо лишь думать о том, что следует опубликовать, что нет!

Иду с Олей к дяде Егору договариваться об отъезде — надо на лодке пристать к проходящему теплоходу. Маленькая Оля ходила хорошо, держась за палец: сама еще боялась. Оставляю ее на полянке и захожу в сторожку бакенщика. Дядя Егор наотрез отказался: сидеть на берегу и ждать теплохода он не мог — занят! Был дядя Егор мал ростом, худ, сварлив, всегда за работой — все успевал делать. Огорченный, спешу к дочке. Гляжу: сама ходит. На полянке росли цветочки, и надо было собрать букетик.

Идем вместе с Кавериним к другому бакенщику — дяде Илье: здоровый, ленивый, на него было заведено не одно судебное дело (бакены у него были не в порядке, и теплоходы садились на мель). Посмотрел Каверин, как дядя Илья чесал себе пузо, и с восторгом сказал потихоньку: «Да это подлинный мужик времен Ивана Грозного...»

«Кормить будешь?» — только и спросил дядя Илья. Два дня в ожидании теплохода мы провели с дядей. Ильей на берегу, слушая его рассказы. Как управлялся он с бакенами — одному богу известно. Но подкатил дядя Илья к теплоходу лихо!

Летом 1943 года нарком электростанций Жимерин вызвал меня в Москву и предложил переехать в столицу. Он оказался моим болельщиком, и с этого началась наша дружба с Дмитрием Георгиевичем. Прямой,

подтянутый, требовательный, организованный — многому я у него научился. Главная его сила, конечно, в поиске решения — администратор высокого таланта. Относился он ко мне трогательно. Жимерин помог мне в достижении трудной цели.

Москва, 1961. Д. Г. Жимерин и М. М. Ботвинник

Тогда я уже подумывал о матче с чемпионом США Решевским. В войне был перелом (когда я в первый раз был в кабинете наркома, ему позвонили и сообщили об успешном сражении на Курской дуге— с каким напряжением и радостью получали тогда вести с фронта!). Надо было обеспечить безусловное право на матч с чемпионом мира. Алехин тогда выступал в турнирах в оккупированной немцами Европе. А что, если он будет отлынивать от матча со мной?

Керес после матч-турнира сорок первого года не имел особых прав, бедного Капы уже не было на свете (зимним утром 1942 года, когда я шел на работу, один рабочий остановил меня и горестно сказал: «Слышали радио? Капабланка умер...») Велика была популярность кубинца); Файн не был чемпионом США, значит, оставалось победить в матче Решевского...

Решил воспользоваться пребыванием в Москве и позондировать почву. Звоню Б. Подцеробу — два месяца мы учились вместе с Борисом Федоровичем в Ленинградском университете. Был он приятелем Славы Рагозина, сам неплохо играл в шахматы, имел первый разряд. Он много играл по переписке и впоследствии был участником полуфинала чемпионата страны (по переписке). Хорошее знание французского, широкий кругозор, отличная общая подготовка, талант и симпатичная внешность обеспечили его продвижение по дипломатической службе. Подцероб был начальником секретариата Наркоминдела .

— Дело сложное,— говорит Борис Федорович,— попробуйте обратиться к Литвинову, он сейчас в Москве.— Литвинов был тогда послом в Вашингтоне.

Максим Максимович принял меня в служебном кабинете (НКИД помещался на площади Воровского). Встретил запросто, как старого знакомого.

Я был ошеломлен: наслышался о его подпольной, опасной работе до революции, о его проницательности и энергии, об его энциклопедичное™, о твердом (если не упрямом) характере. А это был среднего роста, несколько расплывшийся человек, с мягкими чертами лица; говорил нараспев — поистине разрыв формы и содержания!

— Я как посол, конечно, «за»,— сказал Литвинов и улыбнулся.— Всегда поддержу ваше соревнование с Решевским, но сам это не могу решить!

Стало ясно: дело безнадежное.

Осенью 1943 года попросился я в чемпионат Москвы для тренировки: со скрипом, но получил приглашение сыграть вне конкурса. Турнир продолжался весь декабрь. Смыслову я проиграл, но в итоге занял первое место. К сожалению, тогда текст партий я уже не переписывал, а бланки с записями были утеряны организаторами — так несколько интереснейших партий пропало без вести.

Во время турнира получаю приглашение на обед к Б. С. Вайнштейну (однофамильцу моего друга С. О. Вайнштейна, которого уже не было в живых), председателю Всесоюзной шахматной секции. Встречаю там Н. М. Зубарева — он сменил Снегирева на посту заведующего шахматным отделом Комитета физкультуры. Был я настороже — догадывался, что речь пойдет о матче с Алехиным!

Обед по тому времени отличный: домашние котлеты, вино. Котлеты съел, от вина отказался. Затем началось... Алехин — политический враг, играть с ним нельзя, надо лишить его звания чемпиона, советский чемпион обязан выполнить свой гражданский долг и первым потребовать исключения Алехина из шахматной жизни. Нужно ли перечислять все эти демагогические домыслы! Говорил Вайнштейн, Зубарев поддакивал. Спокойно, резко и твердо высказываю свою точку зрения и откланиваюсь. (Ясно, что с таким председателем матча с Алехиным не сыграешь.)

К вопросу о встречах с Алехиным за шахматной доской можно было подойти с двух точек зрения. Однако все это обсуждалось еще в 20-е годы, и было установлено, что, осуждая Алехина как человека, мы воздаем ему должное как шахматисту. Отказ от общения с шахматистом Алехиным не мог не нанести ущерба советским шахматам. Именно поэтому я играл вместе с ним в турнире в Ноттингеме и АВРО-турнире. Решение правительства в 1939 году об организации матча Алехин — Ботвинник окончательно положило конец всей этой полемике.

Конечно, как человек Алехин был достаточно уязвим, а как шахматист?

В молодости Алехин предпочитал комбинационную борьбу, стремительные атаки, внешние эффекты, но затем большое влияние на него оказало творчество Капабланки. Спокойный стиль Капабланки, гармоничное

сочетание тончайшего позиционного понимания со счетом вариантов придавали партиям кубинца особое изящество. У Капы все фигуры играли вместе, они были крепко связаны. Капабланка был одинаково силен и в сложных и в простых позициях.

Понимание сложных позиций у Алехина было весьма высоким, а простых? Здесь Алехин пошел на выучку к своему старшему другу — пока Капабланка представлял в Петербурге в 10-е годы нашего столетия Кубу, Алехин и Капа были неразлучны. Но борьба за первенство мира сделала их врагами.

Алехин умел управлять собой. Хоть он предавался человеческим порокам (и это, несомненно, подорвало его здоровье), но, когда вино, курево или карты мешали ему, он все делал в интересах шахмат. Так он и шахматы изучал: когда он осознавал свои недостатки, он с удивительной проницательностью находил пути к совершенствованию. В итоге многолетнего, кропотливого труда Алехин в 1925—1934 годах предстал перед миром как шахматный титан, владевший самыми различными сторонами любимого искусства и спортивной борьбы. Немалую роль в его росте сыграли аналитические труды, опубликованные Алехиным в тот период.

Я видел Алехина в 1936—1938 годах, когда он уже перевалил через вершину своих успехов и, признаюсь, с трудом представлял его молодым. В мае 1973 года я увидел молодого Алехина: во время гастролей в ФРГ мне пришлось переезжать из Келя в Шомберг — дорога шла через Триберг. В этом городишке в 1914 году немецкие власти разрешили поселиться интернированным русским шахматистам — Боголюбову, Романовскому и другим. Сначала они жили в гостинице Верле (там мы обедали), затем по частным домам. Боголюбов в 1920 году женился на дочери школьного учителя; фрау Фрида Боголюбова (ей уже тогда шел девятый десяток) жила в доме, где на фасаде значится «дом Боголюбова».

Местные шахматисты показали уникальный любительский снимок — он небольшого формата, но Боголюбов и Алехин вышли хорошо. Такими Боголюбова и Алехина я не видел в жизни. Боголюбов худенький (примерно это был год 1922-й); улыбаясь, он почтительно смотрит на своего товарища. Алехин, жестикулируя правой рукой и приподняв брови, с лукавым выражением лица что-то рассказывает...

Жалко было расстаться со снимком (обещали прислать копию, но и спустя три года не дождался я этого фото). В облике Алехина столько выразительности, юмора, душевной силы и спокойной уверенности, что я понял, как он сумел выдержать тяжесть борьбы с великим кубинцем и завоевать первенство мира...

В 40-е годы шахматист Алехин был уже не столь велик, как раньше, и в этом состоял главный шанс его возможного противника в матче.

Моя позиция постепенно обрела поддержку; у большинства членов Всесоюзной секции Вайнштейн авторитетом не пользовался. На всякий случай иду в ЦК партии, в отдел кадров здравоохранения (этот отдел ведал

Комитетом физкультуры) к завотделом Б. Д. Петрову. Маленького роста, лысоватый, в очках, врач Петров оказался решительным и интеллигентным человеком.

— Не огорчайтесь,— сказал Борис Дмитриевич.— Действуйте по Маяковскому...— И рассказал, что однажды Маяковскому в бухгалтерии Госиздата отказали в выплате гонорара. Пришел он через несколько дней с палкой: «Платите?» — «Нет». Тогда выбил палкой окно (дело было зимой) и, уходя, посоветовал: «Вычтите из гонорара». Пришел с палкой еще через несколько дней. «Пожалуйста, Владимир Владимирович, получите...» Посмеялись мы, и совет Петрова я принял на вооружение.

В 1979 году разыскал я Бориса Дмитриевича и позвонил ему по телефону.

— Хочу вам послать книжку воспоминаний.

— Прочту с удовольствием.

— Борис Дмитриевич, но кое-кто недоволен воспоминаниями, пишут на меня жалобы в ЦК.

Петров, видимо, удивился, помолчал, но остался верен себе:

— А это уже не ваша биография...

Наконец состоялось заседание Всесоюзной секции, и был поставлен вопрос об отставке Вайнштейна. Он отчаянно отбивался. Но вот слово взял Вася Смыслов. «Бывший председатель секции товарищ Вайнштейн...» — начал он. Вайнштейн не дал ему договорить: всплеснул руками и тут же капитулировал!

Переезжаем в Москву — нарком выделил отдельную квартиру. Дочка зашла в одну комнату, удивилась — как просторно (мебели не было), зашла в другую. «Как, еще комната!» — воскликнула она (в Молотове была одна комната на шестерых!).

Летом съездил в Ленинград и перевез мебель — она чудом сохранилась (во время блокады мебелью отапливались). Спальня была старинная, красного дерева, ее любовно собирал один бывший полковник царской службы (после революции он заведовал отделом снабжения на заводе «Красная заря»); был у него еще удивительный письменный стол петровских времен, изогнутый в форме буквы S. В 1935 году он продал мне спальню, на что ушел весь приз международного турнира. Денег уже не было, но стол этот забыть невозможно.

Весной 1944 года был первый чемпионат СССР с начала войны. Лидировал Смыслов. Мне посчастливилось выиграть у него решающую партию (№ 135), после чего борьбы уже не было, несмотря на мой проигрыш мастеру Толушу.

Толуш обладал оригинальным стилем игры: сложные атакующие позиции разыгрывал превосходно, в простых ничем не выделялся.

И человек был необычный, независимый. Приехал на чемпионат прямо с Ленинградского фронта, пришел в Комитет физкультуры и стал в очередь за талонами на питание.

— Вам полагается, товарищ лейтенант, получать офицерский паек, а не талоны на питание,— говорит ему начальник отдела Зубарев.

— Николай Михайлович, вы не в ту чайную попали...

Перепуганный Зубарев тут же выдал талоны.

Когда Александр Казимирович выигрывал, то сообщал друзьям: «Дзинь-Дзилевич схвачен», а после капитуляции — партнера — «Аминь пирожкам». Если же партнер в проигранной позиции не сдавался, Толуш жаловался: «Пушечное мясо сопротивляется». Во время блица подбадривал себя: «Вперед, Казимирыч», а снимая телефонную трубку, представлялся: «Тпру-Цинцевич Фьють-Иковский слушает».

Это была шутовская форма, за которой скрывался талантливый и неглупый человек.

Призы были объявлены в деньгах. Прихожу на закрытие и вижу на столе президиума под стеклянным колпаком старинные настольные часы.

— Что это такое? — Первый приз.

Я никогда не гонялся за деньгами, но раз приз был объявлен, регламент надо соблюдать.

Это неуважение к шахматам и их традициям меня покорило. Дело в том, что если в спорте не приняты денежные призы, то в шахматах это является давней традицией. В спорте проводится четкое разделение между профессионалами и любителями, в шахматах этого нет и не было. Правда, в 20-е годы ФИДЕ пыталась установить это деление и даже провела три чемпионата мира среди любителей, но дело заглохло, ибо участники были слабыми мастерами и подобными «чемпионатами мира» никто не интересовался. Шахматистам нужны хорошие партии, а кто их создает — профессионал или любитель — массовому шахматисту безразлично! Поэтому еще в 1939 году я писал в защиту шахматного профессионализма: «Скрипачей-профессионалов у нас много, а шахматы ничем не хуже скрипки...»

Регламент — конституция соревнования. Что там записано, должно выполняться неукоснительно. Разве кому-нибудь на конкурсе пианистов пришло бы в голову менять регламент? Вспомнил рассказ Петрова о Маяковском и сказал главному судье: «Если будете вручать — при всех откажусь». Так никто и не понял, почему часы стояли на столе. Но денежный приз спустя полгода я все же получил — когда вернулся домой из госпиталя после операции (аппендицит).

Год спустя, весной 1945-го,— новый чемпионат СССР. Настроение было отличное, советские люди ликовали — война победно закончилась. Советское государство выдержало все испытания. Тогда я сыграл удачно (16 из 18!) — хорошо мы подготовились с Рагозиным к этому турниру! Болеславский был вторым и стал гроссмейстером.

Советская шахматная школа не ослабела за время войны, в творческом отношении, пожалуй, даже окрепла. Ее исследовательский характер обеспечивал быстрое совершенствование молодых талантов. Как уже отмечалось, это оказалось возможным благодаря поддержке государства.

Перед чемпионатом позвонил домой некто Пирогов и говорил с женой: «Я работал бухгалтером Комитета до войны, сейчас вернулся с фронта и не могу выяснить, почему ваш муж не получает стипендию?» Жена объясняет, что началась война, и поэтому осенью 1941 года перестали высылать стипендию. «Незаконно,— сказал Степан Иванович.— Решение Совнаркома никто не отменял». Стипендия тут же была восстановлена.

На работу в Комитет перешел Н. Н. Романов (Снегов был заменен) — началось в спорте хорошее время. Требовательный, вдумчивый и целеустремленный председатель завоевал и авторитет и любовь (с именем Романова связаны были крупные успехи советского спорта).

В конце лета был организован матч по радио СССР — США. Вызвал он небывалый интерес. Незримо на этом экзамене советской шахматной школы присутствовал Крыленко — именно он в предвоенные годы готовил эту победу вместе со всеми шахматными мастерами и организаторами. Результат матча $15\frac{1}{2} : 4\frac{1}{2}$ поразил всех. Смыслов выиграл обе партии у Решевского — важное событие. Неофициально нам передали слова Сталина: «Молодцы, ребята».

Приглашены были мы на прием к Г. Ф. Александрову, начальнику управления агитации и пропаганды ЦК партии. Говорил он приветливо, но без какого-либо энтузиазма.

— Когда же Ботвинник будет играть матч с Алехиным?

Александров не понял вопроса. Тогда Витя Чеховер повторил вопрос с подчеркнутой резкостью. Ответом были «каучуковые», обтекаемые фразы.

Но остановить неизбежное невозможно — в шахматных верхах произошел сдвиг: пять первых мест подряд повлияли на «скептиков». Недели через две Рагозин, посмеиваясь, показал мне копию письма Сталину (о матче с Алехиным), подписанного почти всеми видными советскими мастерами. Отказались подписать лишь два мастера; мотив — Ботвинник слаб, чтобы играть с Алехиным. По «странному» стечению обстоятельств оба мастера были близкими друзьями Вайнштейна. Итак, оппозиция на этой стадии провалилась, но не капитулировала.

Сотрудничал ли Алехин с нацистами? Это не было расследовано. Группа шахматистов (во главе с Эйве) предъявила ему столь суровое обвинение, и на этом основании было аннулировано приглашение Алехина на турнир в Гастингс. Суть дела в том, что во время войны в нацистском листке «Паризер цайтунг» были опубликованы статьи Алехина (о шахматах) антисемитского содержания. После войны Алехин заявил, что антисемитские фразы были добавлены в статьи без его ведома.

Тем не менее и до Гастингса положение Алехина было тяжелым: он догадывался, что обвинений не избежать. Чемпион мира пришел к данному решению: предложить свой матч с советским чемпионом. Это защитило бы его от всех нападков. Так же как и в 1938 году, матч был наиболее простым путем к его примирению с матерью-Россией.

Осенью 1945 года появилось нашумевшее интервью Алехина в британском журнале «Чесе»: «Две войны разорили меня» (Алехин был в

бедственном материальном положении). Соль интервью состояла в том, что Алехин рассказал о наших переговорах в 1938—1939 годах и заявил, что готов играть матч с Ботвинником на согласованных ранее условиях.

Это облегчило задачу. Теперь было не только заявление советских мастеров о необходимости организации матча, но и согласие чемпиона. Правда, меня несколько коробило, что Алехин не выполнил договоренности и раскрыл наши секретные переговоры, но иного выхода у него не было...

Вскоре последовало положительное решение правительства, и можно было действовать. Ситуация была деликатной: во-первых, Алехина ни в коем случае нельзя было приглашать в Москву, ибо это связано было с предварительным расследованием обвинений, и, во-вторых, нежелательно было вступать с ним в прямые переговоры. Я и предложил, чтобы весь матч был проведен в Англии, а переговоры сначала шли через посредство г-на Дюмонта, редактора журнала «Бритиш чесе магазин» (по материалам, опубликованным в журнале, можно было догадаться, что Дюмонт с Алехиным состоят в переписке) и при содействии известного шахматного мастера Д. Томаса. Предложение было принято, и переговоры начались.

Шли они со скрипом: оппозиция вновь открыла огонь. Вызывает меня председатель Комитета физкультуры; в кабинете уже сидит Андрианов, его заместитель. Константин Александрович давно работал в Комитете физкультуры, и мы хорошо знали друг друга. Работник был сильный, не уклонялся от принятия решений, деловые качества — на высоте. Но я догадывался, что особых симпатий он ко мне не испытывал...

Андрианов только что вернулся из Парижа, куда выезжал на кросс газеты «Юманите». Он сообщает, что матч с Алехиным играть нельзя — так считают французские коммунисты.

— Откуда же такие сведения?

— От Зноско-Боровского (дореволюционный русский мастер, эмигрант.— М. Б.), у него сын — коммунист.

Пытаюсь убедить Андрианова, что основная задача состоит в том, чтобы советский человек завоевал первенство мира. Иного решения вопроса, как победить Алехина, нет: шахматный мир не признает чемпиона, который появится другим путем. Наоборот, если мы выступим против Алехина, неизбежны обвинения в наш адрес: мол, советские шахматисты боятся играть с Алехиным...

Андрианов неумолим. Романов — тот молчит.

— Что, Николай Николаевич, решение правительства об организации матча с Алехиным отменено?

Романов вступает в беседу:

— Нет, нет, все в порядке,— и мы расходимся недовольные друг другом.

И на этом дело не кончилось. Опять вызывают меня к Романову.

Прихожу, сижу в приемной, ждут. Выходит из кабинета Николай Николаевич, ласково берет за руку (хоть он моложе меня, но относился ко

мне, как ко всем спортсменам, по-отечески), ведет в другой кабинет, а сам исчезает...

Сидят в кабинете двое. Один постарше и помассивней, лицо волевое. Другой помоложе, с симпатичной живой физиономией: расположился за своим товарищем (тот его не видит) и изредка приветливо улыбается.

Оказались шахматистами, заговорили о последних событиях... И как бы между прочим:

— Не приходилось ли вам встречаться за рубежом с белоэмигрантами?

— Как же, играл в турнирах с Алехиным и Боголюбовым. Молодой собеседник смеется, видимо, он предупреждал, что такие вопросы излишни.

— А бывало так, что кого-нибудь подсылали?

Рассказываю, как в 1938 году в Амстердаме, когда мы проживали в Амстель-отеле, портье позвонил и сообщил, что внизу ожидает какой-то джентльмен. Визитер имел потрепанный вид, гольфы, старенький пиджачишко — заметно, что когда-то хозяин пиджака был толще, допотопные бакенбарды. Говорит по-русски, попросил чаю. Сидим. Начал он разговор о революции, сказал, что был знаком с Лениным, уговаривал Ленина отказаться от восстания. «Почему же?» — «Да вот,— говорит посетитель,— так плохо получилось». — «Ну что вы,— отвечаю,— отнюдь не плохо!»

Во время турнира отвлекаться по пустякам? Не в моих правилах. Даю портье монету в 2,5 гульдена и предупреждаю — больше таких джентльменов не пускать. Портье улыбается и понимающе кивает головой.

Мои собеседники тоже заулыбались.

— А не обращался ли к вам кто-либо из иностранных дипломатов в Москве?

Действительно, звонил секретарь кубинского посольства и сообщил, что ему надлежит передать мне книгу, посвященную памяти Капабланки.

— Что же вы ему ответили?

— Чтобы он передал книгу в Комитет физкультуры. Разговор перешел на другие темы, и мы дружелюбно расстались.

И стал я думать: для чего же был организован этот спектакль? Вероятно, мои собеседники, действуя со всей деликатностью, выполняли чье-то поручение, хотя сами понимали, что все это впустую. Кто-то, видимо, хотел дать мне понять, что раз я настаиваю на том, чтобы матч с такой сомнительной личностью, как Алехин, состоялся, то я сам могу оказаться «под подозрением». Но что делать — решение правительства отменить нельзя. Вот и возникла идея «давить» на Ботвинника: а вдруг сам откажется!

Пришел домой и написал заявление в ЦК; ну и досталось же в этом заявлении бедному Николаю Николаевичу!

Решил поискать сочувствия у Подцероба и рассказал ему об этом «свидании»; он от души смеялся. «Наивные люди»,— сказал Борис Федорович.

...Пришло письмо из Англии, от Дербишера (устроителя турнира в Ноттингеме). Теперь Дербишер был уже президентом Британской шахматной федерации; он сообщил, что в принципе англичане готовы провести матч (да это и понятно; призовой фонд обеспечивал Советский Союз), что он предлагает его начать в августе, в Ноттингеме (в августе Дербишеру исполнялось 80 лет). Вопрос должен был обсуждаться исполкомом БШФ, но это была уже формальность.

Я не был согласен со сроком матча, ибо мало времени оставалось на непосредственную, практическую подготовку. Не помню, успели ли отправить мой ответ в Англию. В воскресенье, 24 марта 1946 года, к нам пришли друзья. Беседуем, пьем чай. Телефонный звонок.

— Говорит Подцероб,— слышу четкую знакомую речь.— Страшная новость. Три часа назад неожиданно умер Алехин...

Накануне, в субботу, в Лондоне состоялось заседание исполкома Британской шахматной федерации, где вопрос о матче был решен положительно. Незамедлительно после заседания Алехину была направлена телеграмма с официальным предложением сыграть матч на первенство мира с чемпионом Советского Союза. Так и не знаю, успел ли Алехин ее прочесть...

Великий шахматист ушел.